

**Пятая
палата**

Наталья Чугунова

Наталья Чугунова

Пятая палата

«Автор»

2026

Чугунова Н.

Пятая палата / Н. Чугунова — «Автор», 2026

Не повезло юной ведьме загреметь в больницу! Впрочем, с лучшей подружкой не так уж и скучно, а когда в больницу поступает красивый мальчик Саша - тут такое веселье началось: волосы дыбом и файерболы во все стороны.

© Чугунова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Наталья Чугунова

Пятая палата

Глава 1

- В палате пять девчонок и ни одной нормальной!

- Прямо уж ни одной? Так не бывает, - усомнился папа, - Ты просто пока их плохо знаешь.

- Куда уж лучше! Говорю же, ни единой.

- А медсестры? - спросил папа.

- А медсестры — злые! - громко сказала я и вызывающе посмотрела на медсестру БабЯгу, которая сидела рядом за столом и надписывала баночки для анализов, сверяясь с журналом. БабЯга поджала губы.

- Злые! - повторила я, глядя прямо в блеклые серые глаза, - Им все время от меня что-то нужно. То пописай, то кровь сдай, того и гляди почку заберут. Скажут, это надо для анализов!

- Как не стыдно врать! - воскликнула БабЯга. Голосок у нее тонкий и злой.

Папа расхохотался. Разгневанная БабЯга отодвинула стул и направилась прямо ко мне, протягивая руку к телефонной трубке. Отлично! Ведьмы обожают злить людей. Я увернулась от ее растопыренных пальцев и торопливо заорала в трубку:

- Вот увидишь, они меня разрежут, органы продадут, а труп сожгут! Тут и крематорий есть, я узнавала! Он в подвале второго корпуса! Так что если я завтра к тебе не выйду, знай, меня сожгли, а пепел развеяли над помойкой. И ты уж тогда отомсти за меня, папа...

Клац! Послышались короткие гудки — это взбешенная БабЯга злобно стукнула по рычажкам древнего дискового телефона. В следующую секунду она вырвала у меня трубку и шмякнула ее мимо аппарата. Ее намазанные сиреневой помадой губы тряслись от злости.

- Ты бесстыжая неблагодарная девчонка! Какое право ты имеешь говорить такие гадости! О тебе заботятся, кормят, лечат, а ты!... - БабЯга негодуяще фыркнула и вскинула желтоватый морщинистый палец, - немедленно марш в палату и сиди там до ужина! Никакого телевизора!

- И не подумаю! - сказала я и пошла в противоположную от палаты сторону — к процедурному кабинету. Это самое удаленное от сестринского поста место и самое тихое. Здесь на стене висит большая картина — корабль с зелеными парусами плывет по алому морю. Около двери, где трижды в день выстраивается очередь из тех, кому прописали уколы, буквой П расставлены кушетки. С кушетки можно залезть на подоконник, и если только немного сдвинуть занавеску — она плотная, вишневая, - и сесть, поджав ноги, чтоб занимать поменьше места, — со стороны никто тебя не увидит. В больнице не так-то много мест, чтобы побыть в одиночестве — два подоконника, душевая да туалет. Они почти всегда заняты. Но сейчас идет сериал — то ли "Молодые и смелые", то ли "Влюбленные и несчастные"... Девчонки оккупировали диван и кресла в комнате отдыха, мальчишки растянулись прямо на полу, на ковре. Сериал им не сдался, конечно... но это единственное место, где можно пообщаться с противоположным полом. Я как-то посмотрела одну серию с ними. Ничего интересного. Хихикают, жеманничают и отпускают сальные шуточки.

Сквозь двойное стекло я смотрела вниз, на асфальтовую тропинку, усыпанную листьями, на два мусорных бака, на забор вдаль. За тем забором, если сесть на вторую маршрутку и проехать семь остановок, мой дом.

Вообще-то в том, что я оказалась в больнице, виноват папа. Мама говорит: "Влад, нельзя допускать такую вседозволенность!"

На самом деле, она тоже редко меня ругает.

Но неделю назад, когда она пришла домой, я сразу поняла — мама просто в бешенстве. Когда мама рассержена, квартира начинает суетиться и приводить себя в порядок. Вот и сейчас — не успела хлопнуть входная дверь, как в кухне зашипела вода — посуда принялась судорожно мыться, вытираться и расставляться на сушилке. Чайник с раззявленной крышечкой нырнул под струю, наполнился, приземлившись на подставку, щелкнул кнопкой — вскоре чашка чая с чабрецом и шиповником сама поплыла за мамой, ожидая, когда ее заметят.

- Маргарита! Быстро сюда! - рявкнула мама.

Я вошла в большую комнату. Папа сидел за компьютером и писал статью про цифровые технологии.

Чашка мягко приземлилась на кофейный столик.

- Меня! Вызывали! В школу! - сердито сказала мама. Папа отодвинул монитор.

- Что случилось, Тамара?

- Мне пришлось устранять последствия непрофессиональных любовных чар, вот что случилось, - фыркнула мама, - восьмиклассник Дима Мельников провел несколько дней глядя на фотографию нашей дочери. После третьей записи в дневнике "Мечтательно вздыхал на уроке алгебры" учительница заподозрила неладное. Время от времени у бедного ребенка из ушей вылетают розовые бумажные сердечки! Сердечки, Влад!

- А что это за мальчик? - заинтересовался папа.

- Просто мальчик, - промямлила я, ковыряя ковер носком тапочки, - ну, симпатичный...

На гитаре играл на концерте для мам и бабушек седьмого марта...

- И он нравится Марго. Настолько, что она решила применить заклятие.

- Любовное зелье, вообще-то, - уточнила я, - из твоей книги рецептов.

- Любовное зелье! - саркастически воскликнула мама, - это так ты представляешь себе любовь? Розовые сердечки из ушей?

- Я не думала про уши... - промямлила я, отчаянно надеясь, что вид у меня виноватый.

Мама смягчилась.

- Но это же просто мальчик! - сказала мама, - Я проверила. Человек. Был бы хоть потомок магов или вампир...

- А вот это поправимо, - весело сказал папа, и подмигнул мне, - если Марго решит, что этот самый Дима — ее судьба, один мааааленький укус — и вот уже юный кровосос присоединился к нашей семье и порхает вокруг люстры...

Мама сверкнула глазами, из кладовки прилетел веник и впихнулся папе в руки. Папа вскочил с кресла и бросился подметать, как ненормальный. Пыль взвилась столбом!

- Тамара! - взмолился папа, - Я же все-таки не чайник какой-нибудь! Не дрессированный этот.. как его... интерьер! Я не хочу подметать! - Но он продолжал яростно махать веником.

- И кстати. Пусть наша дочь объяснит, кто такие Анна Жукова и Светлана Моргунова, - маминым голосом можно было за секунду заморозить триста пельменей, - и почему эти бедные девочки уже два дня в школу не приходят, а приползают?

Я, изо всех сил преодолевая желание схватить влажную тряпку и начать протирать столик, нашла в себе силы проговорить:

- Они хотели рассказать Мельникову, что я в него влюбилась... а там, в твоей книге, я нашла, как превратить кости врагов в желе.

- Прямо в разделе "Закуски". Отличный ход! - одобрил папа, орудуя веником, - унизи-тельно и безболезненно!

- Влад! - рявкнула мама и папа с энтузиазмом полез под диван. Оттуда полетели клочья пыли, мой старый мячик и непарная розовая тапочка. В соседней комнате что-то захлопало — не иначе, утюг тоже принялся за дело и начал отглаживать постираное белье.

- С меня хватит! - сказала мама. Со шкафа свалился чемодан, распахнулся, и в него влетела стопка отглаженных платьев, несколько книг и сундучок с готовыми зельями, - Мне надо

развезаться. Улетаю на Лысую гору. Две недели меня не трогать, не звонить, не писать, посланный в бутылках в водоемы не выкидывать, флажками в пределах видимости не семафорить. Мои нервы нуждаются в женском обществе, стаканчике грога перед сном и сплетнях. Чтоб вели себя прилично! Ясно?

Веник смел мусор в совок и они оба унеслись на кухню. Папа, свободный от уборки, поторопился вернуться к статье.

- Не слышу! - мама повысила голос.

- Ясно, - пробурчали мы с папой.

- Влад, тебя особенно касается! Нельзя допускать вседозволенность!

- Хорошо, Тамара, - кивнул папа.

- И если Марго скажет "Хочу пойти на крышу и танцевать там голышом", надо сказать "Нет, Марго, ты простудишься". Ясно?

Папа невнятно пробурчал что-то из-за компьютера.

- Книжки я забираю. Снадобья тоже. Проведете две недели как нормальная семья.

За мамой захлопнулась дверь.

Когда через полчаса я спросила "Пап, можно мне пойти ночью на крышу и танцевать там голышом?", он ответил:

- Нет, дочка, ты простудишься. Надень хоть тапочки.

До двух ночи я носилась по крыше, распугивая спящих голубей, кружилась, прыгала, размахивала руками под октябрьским небом. А наутро у меня поднялась температура, и папа вызвал скорую, потому что лечить он не умеет — только обращаться в вампира, но это уж на совсем крайний случай. Неделю я лежала в боксе, отдельно от всех, а потом, когда температура упала, меня перевели в пятую палату, на кровать около окна.

Больничная еда — фантастическая дрянь.

В столовой я сижу за шестым столом. Со мной Аня Коваленко, девочка из моей палаты. Она худющая и светловолосая. Обожает розовый цвет. Вот сейчас на ней футболка в розовую полоску, малиновые лосины, блестящие розовые пластиковые часы. Ногти в розовом лаке — Инка ей нарисовала в обмен на яблоко.

На мне черное платье.

- Овсянка похожа на сопли, - говорю я, - не удивлюсь, если медсестры сморкаются в кастрюлю, пока никто не видит.

Аня с сомнением опускает ложку в маслянистую бежевую поверхность каши, а когда поднимает — за ложкой тянутся белесые нити. Очень подозрительные.

- Ты можешь есть, - беспечно говорю я, отодвигая кашу подальше, на середину стола, и корчу рожу, - если еще хочешь.

Анька качает головой:

- Вообще-то уже нет. Ты испортила мне аппетит.

- Это не я. Это сопли.

- А сейчас ты скажешь, что в чай они доливают из баночек с анализами... - вздыхает

Анька.

Я смотрю на стакан.

- Цвет похож, - соглашаюсь я.

Чай мы тоже отодвигаем подальше.

Ведьмы обожают портить аппетит.

Вокруг стучат ложками. Анька с сомнением смотрит на положенный к чаю бутерброд с сыром.

- Сыр нормальный, - разрешаю я.

Манипулировать ведьмы тоже обожают.

Десять часов — время, когда поступают новички, если их не привозят на скорой.

У сестринского поста с растерянным видом стоит мальчишка, по виду мой ровесник. На нем серая фланелевая рубашка в клетку и черная футболка с черепом, на ногах — черные тренировочные штаны и резиновые шлепанцы. Носков нет. Кожа очень белая, совсем как у моего папы, и такие же черные волосы, как у папы, а глаза — карие и печальные. Красивый.

Анька смотрит и смотрит на него, пока я не затаскиваю ее в палату.

Днем тут тихо. Инка, самая старшая и самая противная, наверняка сидит в четырнадцатой. С Игорем из четырнадцатой у них "любовь" - это значит, что Инка торчит там все время, развалилась на Игоревой кровати и слушает, как старшие парни треплются про футбол и компьютерные игры. Будет сидеть там, пока одна из медсестер не заглянет туда и не прогонит — девчонкам нельзя ходить в мальчишеские палаты и наоборот.

Еще есть Алина. Двенадцать лет, постельный режим. Анька рассказывала, что сначала врач распорядилась поставить горшок у кровати, чтобы Алинке поменьше двигаться, но та закатила истерику. Я ее понимаю — двери в палатах наполовину застеклены, заглядывают все, кому не лень. Кому понравится писать на виду у всех, да еще и в младенческий горшок! Врач уступила, но теперь кто-то из нас должен провожать Алинку в туалет и в душевую и следить, чтоб она не упала по дороге. Мы с Анькой провожаем, нам не трудно.

Яна Гаврилова и Лена Пименова — еще совсем малявки. Янке девять, и любимое ее занятие — убираться. Просто маньячка какая-то. Не может видеть незаправленную кровать. Она и мою застилала несколько раз, и Анькину. Когда к нам вечером заходит уборщица, Янка отбирает швабру-лентяйку и сама моет полы. Лена все время проводит в игровой с воспитательницей и еще десятком малявок. Против горшка под кроватью она не возражает.

Через час Анька подсаживается ко мне на кровать.

- Его зовут Саша, - говорит она, - ему тринадцать. Он уже немного подрался с Ромкой Самойловым, но их быстро растащили. У него болит нога.

- Угу, - я пожимаю плечами. После истории с Мельниковым и фонтанчиками розовых сердечек из ушей я решила не интересоваться мальчиками. По крайней мере, некоторое время.

- Он спрашивал про тебя, - обиженно говорит Анька.

- Да?

- Да. Чем ты болеешь, и все такое.

- Да? - я не смотрю на нее, - и что ты сказала?

- Что у тебя бешенство...

Я замахнулась книжкой, Анька пригнулась, и ее длинные тонкие пальцы потянулись к моим подмышкам... позади нас кашлянула Алинка.

- Девочки... меня тошнит.. - выдавила она, прижав руку ко рту. Черные волосы ее свесились и кольцами легли на пол.

Все-таки Янка — удивительный человек. Мы с Анькой еще пытаемс

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.